

Изъ писемъ къ издателю „Русскаго Архива“.

I.

Я не имѣю чести знать васъ лично, но есть много причинъ обратиться именно къ вамъ за рѣшеніемъ важнаго для меня вопроса. Вашъ преклонный возрастъ и опытный взглядъ на прошлое, думаю, оправдаютъ мой выборъ. Вы одинъ изъ немногихъ поймете, какъ тяжелы переживаемыя событія для не преклонившихъ колѣна предъ духомъ вѣка сего. Поймете тяжесть быть свидѣтелемъ постепеннаго угасанія того, что одушевляло насъ, людей съ иными взглядами, съ иными убѣжденіями. И, надо вамъ сказать, я не равнодушный свидѣтель всего совершающагося, не наблюдатель его изъ прекраснаго далека. По своему служебному положенію хорошо ознакомившись съ простымъ народомъ, съ 1905 г. ближе узнавъ нѣкоторыхъ консервативныхъ дѣятелей, я, къ сожалѣнію, долженъ говорить ни о чемъ иномъ, какъ о явленіяхъ отрицательнаго свойства.

За немногими счастливыми исключениями всюду наблюдается полный развалъ. Время, казалось-бы, выработать Русскимъ людямъ, прошедшимъ полосу тяжелыхъ испытаній, и вѣрный взглядъ на положеніе дѣла, и единство дѣйствій. Къ крайнему прискорбію, у насъ нѣтъ ни того, ни другого.

Если въ эпоху, позорно закончившуюся 1 Марта 1881 года, находились добродушные люди, проглядѣвшіе свѣтъ кровавой жатвы, увѣрявшіе, что „во всемъ этомъ видна зыбъ поверхности одна“*), то далеко-ли, спрошу, ушли отъ нихъ дѣятели нашего „обновленнаго“ строя? Наблюдается таже привычка не считаться съ послѣдствіями невѣрныхъ шаговъ въ области государственной. Наблюдается тоже упорное нежеланіе отвѣчать на запросы дѣйствительности. Да что говорить о дѣятеляхъ! Общества, возникновеніе которыхъ вызвано желаніемъ оздоровить родину, разлагаются въ дѣйствіяхъ противорѣчащихъ ихъ основнымъ цѣлямъ. Мечтая, наприм., объ уничтоженіи такъ называемаго „средостѣпія“ между Царемъ и народомъ, мечтатели сами, быть можетъ безсознательно, дѣлаютъ у себя подобіе того-же „средостѣпія“. Говорю это какъ руководитель, въ настоящее время, губернскимъ отдѣломъ „Союза Русскаго Народа“ по опыту собственныхъ сношеній съ патріотическими организаціями Петербурга.

Откуда у насъ такой, превзошедшій всѣ ожиданія, развалъ? Неужели послѣдней, предѣльной чертой нашего народа будетъ тотъ нравственный маразмъ, что охватилъ наше общество въ послѣдніе годы?

Извѣстный Порфирій Успенскій, еще въ бытность свою архимандритомъ, въ 1848 году, сказалъ знаменательныя слова: *„когда народъ сознаетъ свои духовныя предѣлы, тогда въ немъ нѣтъ безпредѣльнаго Бога“.*

*) Слова А. Н. Майкова.

Что касается меня, то я принадлежу старой Николаевской Россіи, т. е.

„Допотопный звѣрь, что молча
Въ хранилѣ наукъ стоитъ.
На котораго за гривну
Въ балаганахъ чернь глядитъ“.

(см. Стихотворенія кн. П. А. Вяземскаго 1878. XII).

Р. С. Въ Юньской книжкѣ, „Архива“ вы напомнили слова П. М. Карамзина, что исторія не любитъ живыхъ. Иногда исторія и къ сошедшимъ дѣятелямъ относится какъ бы пристрастно. Въ настоящее время я занятъ чтеніемъ труда А. М. Заіончковскаго о Крымской кампаніи. Дай Богъ, что бы этотъ трудъ положилъ новое основаніе по отношенію къ памяти почившаго Государя Николая, явился бы для личности его тѣмъ-же, чѣмъ является изслѣдованіе Милютина о походѣ 1799 года по отношенію къ Павлу.

Черезъ полвѣка, думаю, было-бы умѣстно появленіе въ печати нѣкоторыхъ документовъ, относящихся къ срединѣ 50 годовъ. Отчего-бы не тиснуть дневники князя А. С. Меншикова, хранящіеся у кн. Гагариныхъ? Почему-бы не появиться Запискамъ Модеста Андр. Корфа безъ тѣхъ обидныхъ пропусковъ, съ какими явились они въ нашихъ историческихъ журналахъ?

Н. Черняевъ.

Пермь, Пермская, 157.

II.

Въ 6-ой книжкѣ „Р. Архива“ за нынѣшній годъ, на стр. 219, имѣется драгоцѣнное примѣчаніе: „Тутъ же..... спасалась отъ Французовъ.... наложница Ивана Алексѣевича Яковлева (иностранка, кажется, Еврейка) Луиза Ивановна съ пятимѣсячнымъ ребенкомъ своимъ, будущимъ А. И. Герценомъ“.

Какъ много это объясняетъ! На основаніи этого сообщенія видно, что Герцень былъ только на половину Русскій, вѣроятно даже меньше чѣмъ на половину, и можетъ быть Еврейскаго происхожденія. Конечно богачъ Яковлевъ только выдавалъ деньги, а непосредственное вліяніе на незаконнаго ребенка имѣла одна мать и прививала ему свои симпатіи и взгляды. Напр. къ православію относились вѣроятно самымъ формальнымъ образомъ, можетъ быть, даже съ ироніей и критикой. Понятно, что Герцень остался до конца жизни врагомъ православія и самодержавія. А мы-то думали, что онъ относится къ нимъ враждебно отъ своего великаго ума. Безъ сомнѣнія Герцень былъ умный и энергичный человѣкъ, но онъ чувствовалъ не какъ Русскій. Вотъ еще когда началось вліяніе жидовства въ нашей интеллигенціи. Герцень, благодаря уму и энергіи, сдѣлался родоначальникомъ нашей бунтовской и антинаціональной литературы. Бѣлинскій, Чернышевскій, Дсбродлюбовъ, Писаревъ, Салтыковъ, Михайловскій—ученики и поклонники Герцена, ослѣпленные его талантомъ. А на этихъ писателяхъ воспитывались Русскіе интеллигенты въ теченіи полу-вѣка; да еще и теперь продолжаютъ ихъ читать и на нихъ учиться. Жидовка дѣйствуетъ на насъ такъ же губительно, какъ водка.

Н. Н. Любавинъ.

